

Евгений
Морозов

Информация тяготеет
к свободе, но этого мало:
свободными должны быть
и те, кто ею обменивается

CoRpus

ИНТЕРНЕТ КАК ИЛЛЮЗИЯ

Обратная
сторона Сети

Евгений Морозов

Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8206286

*Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети / Евгений Морозов; пер. с англ. И. Кригера.: АСТ : CORPUS; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084792-1*

Аннотация

Что такое интернет – бескрайнее море возможностей или мутная вода, где легко стать жертвой корпоративных интересов и пропаганды? Является ли интернет проводником демократии? Можно ли устроить настоящую революцию при помощи “Твиттера” или “Фейсбука”? Кто успешнее использует социальные сети – диктаторы или те, кто с ними борется? В книге “Интернет как иллюзия. Обратная сторона Сети” политолог, автор термина “твиттер-революция” Евгений Морозов ставит под сомнение правомерность постановки таких вопросов. Он спорит с “киберутопической” верой в то, что современные технологии сами по себе способны решить проблемы общества или отдельных людей – они лишь инструмент, которым можно по-разному воспользоваться. Морозов предлагает новый, критический взгляд на феномен интернета и новый язык, которым можно о нем говорить.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Введение	7
Глава 1	13
Да здравствует “Гугл”!	16
Невообразимые последствия воображаемой революции	19
Революции требуются рыцари	23
Оружие массового сооружения?	26
NASDAQ спасет мир?	28
Милкшейк или коктейль Молотова?	30
Хипстеры на баррикадах	32
Инструмент без рукоятки	34
Глава 2	36
Гнездо для “ястреба”	38
Холодная кибервойна	41
Опасные аналогии	43
Фотокопии – это не записи в блоге	45
Чей твит прикончил СССР?	47
Товарищ! Придержи информационную гранату	49
Когда радио сильнее танков	51
Глава 3	53
Как кабельное ТВ вредит демократии	55
“Денверский клан” берет Восточный Берлин	57
Опиум для народа: сделано в ГДР	59
“Аватар” в Гаване	61
Недовольство в Сети и довольные интеллектуалы	64
Между Оруэллом и Хаксли	66
Жить станет не лучше, но точно веселее	69
Троица авторитаризма	71
Глава 4	73
Институты – это важно	75
Кремль любит блоги – полюбите их и вы	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Евгений Морозов

Интернет как иллюзия.

Обратная сторона сети

Посвящается Арно ван Линдену

Evgeny Morozov

The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom

Перевод с английского Ильи Кригера

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

© 2011 by Evgeny Morozov

© И. Кригер, перевод на русский язык, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014 Издательство CORPUS ®

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Предисловие к русскому изданию

Я закончил черновик книги “Интернет как иллюзия” в мае 2010 года, ровно четыре года назад, – еще до скандала с утечкой американской дипломатической переписки, до “арабской весны” и Сноудена. Большинство читателей (по крайней мере, из США и большинства стран Западной Европы) нашли, что я настроен чересчур пессимистично и склонен переоценивать изобретательность правительств и недооценивать политических активистов. Я не согласился: по-моему, всегда полезно готовить себя к худшему.

Теперь, когда “Интернет как иллюзия” выходит на русском языке, я не могу сказать, что мой пессимизм не оправдался (и это отнюдь меня не радует). Перечитав книгу сегодня, я увидел, что мои прогнозы четырехлетней давности (во всяком случае, касающиеся России) оказались отчасти верны, отчасти ошибочны. Одной из причин, по которым я взялся за сочинение этой книги, было желание разобраться в изменчивой и многомерной природе контроля над интернетом. Когда многие западные исследователи увлеченно подсчитывали, сколько веб-сайтов заблокировано в той или иной стране, я подозревал, что эти цифры мало о чем говорят. Ведь прямая и жесткая цензура – это крайняя мера, а дальновидные правительства, желающие сохранить контроль, должны прибегать к более изощренным и менее очевидным мерам.

Поэтому я обратился к явлениям наподобие онлайн-пропаганды, сетевой слежки и *DDoS*-атак. Законодательство (приравнявшее блогеров к СМИ, что требует получения лицензии) – гораздо более ощутимый шаг по сравнению с этими мерами, но мы должны говорить и о них. В более широком смысле я хотел сказать, что интернет кажется неконтролируемым, лишь если мы очень узко определяем контроль над ним. Под это определение подходят случаи, когда государственные органы блокируют некий сайт и немедленно возникает другой с теми же задачами.

Такой подход очень многих убедил в том, что киберпространство бесконтрольно и что там граждане одержали победу над государством. Этот взгляд всегда казался мне наивным, поскольку он не учитывает иные доступные правительству способы давления. В самом деле, что же хорошего в возможности открыть сайт, если за это вас уволят с работы? Традиционные методы контроля, которые государство совершенствовало столетиями, успешно применяются и сейчас, что бы там ни говорили о цифровой эпохе пророки новых медиа.

Не был ли я в 2010 году слишком оптимистичен в прогнозах относительно России? Не уверен, что стоит говорить здесь об “оптимизме”. Даже если власти прибегают к не столь заметным и жестким методам контроля (то есть к пропаганде или кибератакам, организаторы которых остаются неузнанными), последствия не менее губительны. События последних четырех лет в России указывают на переход правительства к грубым мерам вроде заключения неугодных в тюрьму и откровенного блокирования сайтов. Имеют место и плохо замаскированные попытки взять под опеку крупнейшие социальные сети страны. В своей книге я пишу, кроме прочего, о том, что подобные методы требуют немалого социального капитала и что политический режим, озабоченный своей репутацией за рубежом, не станет прибегать к цензуре, если у него есть другие варианты. Я полагаю, что сейчас Кремль не слишком беспокоится о своем имидже – а пока это так, не стоит удивляться участившемуся использованию мер прямого контроля.

Хотя информация о России в книге может показаться отчасти устаревшей (в конце концов, прошло уже четыре года), я думаю, что “Интернет как иллюзия” стала лишь актуальнее. Несколько лет назад российские активисты возлагали большие надежды на новую “цифровую политику”. Эти надежды, как мне кажется, испарились. Но это не значит, что цифровые

технологии не могут быть помощниками: многое зависит от того, в чьих они руках, легко ли ими управлять, уязвимы ли они перед кибератаками.

Многие расценили мою книгу как признание поражения, как призыв вернуться к политическим методам “аналоговой” эпохи, однако я не считаю этот совет разумным. Я хотел распространить знания о новых методах цифрового контроля отчасти для того, чтобы сетевые сообщества, еще упивающиеся видениями цифровой утопии, взглянули наконец в лицо действительности и приступили бы к выработке средств и методов, которые устоят под давлением изоциренных ответных мер государства.

Это соображение не устарело и сейчас: нет смысла конструировать противоцензурные инструменты, пока заинтересованные лица могут, избив где-нибудь в подворотне администраторов таких сайтов, получить доступ к личной информации пользователей. Мы мало чего добьемся, пока не признаем, что контроль над цифровыми сетями многогранен (и что нашего внимания заслуживает не только техническая сторона вопроса, но и человеческий, юридический и финансовый факторы). Если бы я писал книгу сейчас, то многие ее главы, конечно, сильно отличались бы от нижеследующих, – например, потому, что комплекс мер по пресечению антиправительственной деятельности в Сети не статичен, он меняется в ответ на новые угрозы. Поэтому меры по контролю над интернетом в 2010 году соответствовали обстановке 2010 года, а нынешние методы, следовательно, соответствуют политическим и социальным угрозам сегодняшнего дня. Только рассматривая государственный контроль над сетью в динамике, в контексте новых обстоятельств, можно бороться с ним – и победить.

Бостон 13 мая 2014 года

Введение

Всем, кто желал победы демократии в самых неблагоприятных и непривычных для нее условиях, первое десятилетие XXI века принесло разочарование, если не крушение иллюзий. Казавшаяся неудержимой освободительная волна, поднявшаяся в конце 80-х годов, не только остановилась, но и, похоже, хлынула вспять.

Выражения вроде “рецессия свободы”, прежде циркулировавшие в аналитических центрах, стали входить в общественный оборот. Все больше западных политиков начали признавать, что место “Вашингтонского консенсуса” (набора сомнительных мер, обещавших с большой скидкой рай неолиберального образца) занял “Пекинский консенсус”, который обещает народам скорейшее процветание без малопривлекательной возни с демократическими институтами.

Запад не сразу понял, что сражение за демократию не окончилось в 1989 году. Два десятилетия он почивал на лаврах, предоставив кофейням “Старбакс”, телеканалу *MTV* и поисковику “Гугл” довершить разгром неприятеля. Подобная политика невмешательства в применении к демократизации оказалась беззубой: оправившийся от поражения авторитаризм быстро приспособился к условиям глобализации. Современный авторитаризм – не враг гедонизму и консюмеризму. Он питает гораздо больше уважения к Стиву Джобсу и Эштону Катчеру, чем к Мао Цзэдуну или Че Геваре. Неудивительно, что Запад зашел в тупик. Советы были побеждены волшебным снадобьем, составленным из синих джинсов, удобных кофеварок и дешевой жевательной резинки, однако этот трюк неприменим к Китаю: в конце концов, именно там производятся все западные товары.

Многие признаки распространения демократии, которые мы наблюдали всего несколько лет назад, так и не стали реальностью. Волна так называемых цветных революций, прокатившаяся в последние десять лет по странам бывшего СССР, принесла неоднозначные плоды. По иронии, от цветных революций более всего выиграли наиболее склонные к авторитаризму бывшие советские республики – Россия, Азербайджан, Казахстан, – режимы которых смогли оценить свои слабые стороны и прикрыть уязвимые места. Правительство Беларуси (страны, в которой я родился и которую Кондолиза Райз однажды назвала “последним форпостом тирании в Европе”) оказалось, вероятно, наиболее ловким из всех. Здесь режим эволюционировал в странную форму авторитаризма, при котором прославление советского прошлого отлично сочетается с растущими аппетитами по большей части беспечного населения, жаждущего быстрых автомобилей, дорогих турпутевок и экзотических коктейлей.

Военные операции в Ираке и Афганистане, которые, как и многое другое, были затеяны, чтобы принести народам мира благую весть о свободе и демократии, также потеряли свой освободительный потенциал и стерли различие между “сменой политического режима” и “содействием распространению демократии”. Указанные военные кампании, вкуче с совершенно необязательными нарушениями Вашингтоном прав человека и чересчур вольной трактовкой им норм международного права, создали демократии настолько дурную репутацию, что человека, желающего ее сейчас защищать, считают фанатом Дика Чейни либо сумасшедшим идеалистом (или же тем и другим одновременно).

Поэтому очень легко забыть, что Запад вовсе не отказывался от своих обязательств защищать демократические ценности, бороться с нарушениями прав человека и одергивать тех, кто употребляет свою власть во вред собственным согражданам. К счастью, в начале XXI века больше нет нужды обосновывать пользу содействия распространению демократии: даже скептики согласны с тем, что мир, в котором Россия, Китай и Иран придерживаются демократических стандартов, будет гораздо безопаснее.

В то же время пока нет согласия в том, к каким средствам Западу следует прибегать, чтобы преуспеть в распространении демократии. События последних десятилетий ясно показали, что благих намерений для этого едва ли достаточно. Они могут легко привести к негативному результату и в итоге укрепить авторитаризм. Картины издевательств над заключенными в иракской тюрьме “Абу-Грейб” стали результатом, пусть не прямым, определенного западного подхода к распространению демократии. Он сработал не так, как планировалось.

К сожалению, с тех пор как неоконсервативный подход к демократизации дискредитировал себя, не возникло ничего, что могло бы заполнить образовавшийся вакуум. Джордж У. Буш определенно перестарался со свободолобивыми речами. Его преемник на посту президента, похоже, отказался и от риторики, и от духа предшественника и не выказывает никакого желания объяснить, какой сейчас, после Буша, должна быть “повестка укрепления демократии”.

За молчанием Обамы кроется нечто большее, чем разумное стремление казаться противоположностью Буша. Скорее всего, его молчание свидетельствует о дискомфорте, который испытывают обе ведущие американские партии, – а также о растущей усталости Запада от проекта содействия распространению демократии. Этому проекту навредила не только его дурная подача, но и глубокий интеллектуальный кризис. Изворотливость авторитарных правителей Беларуси, Китая или, например, Ирана коренится не в недостаточности попыток их западных “партнеров” поторопить приход демократической революции. Увы, подобные шаги Запада в большинстве своем оказались неудачными, они лишь укрепили положение диктаторов, преуспевающих в эксплуатации страха своих сограждан перед угрозой иностранного вмешательства. Я думаю, не будет преувеличением сказать: сейчас не существует приемлемого плана, что делать с авторитаризмом.

Запутавшиеся западные лидеры тоскуют по средству, которое обеспечило бы им успех. Многие из них оглядываются на самую впечатляющую, несомненную победу демократии последних десятилетий – мирный распад Советского Союза. Неудивительно (кто же может винить их за стремление укрепить уверенность в себе?), что они преувеличивают собственную роль в приближении конца СССР. В итоге многие меры, к которым прежде прибегал Запад (контрабанда ксероксов и факсимильных аппаратов, распространение самиздата, спонсирование радиостанций наподобие “Свободы” и “Голоса Америки”), пользуются большим доверием, чем они заслуживают.

Гордость Запада итогами холодной войны вызвана грубой логической ошибкой. Поскольку СССР распался, вышеперечисленные приемы считаются необычайно эффективными – как будто они и решили все дело. Значение этого взгляда для распространения демократии огромно: он подразумевает, что большие дозы информации и “инъекции” информационных технологий оказываются губительными даже для самых жестоких политических режимов.

Нынешний энтузиазм по поводу интернета, который, в частности, якобы поможет нам “открыть” авторитарные “закрытые” общества, объясняется пристрастным, иногда неверным взглядом на историю. Ее переписали так, чтобы воздать почести Рональду Рейгану, при этом игнорируя структурное состояние и внутренние противоречия советской системы.

По этим причинам интернет будоражит сердца стольких искушенных политиков, которым следует быть осмотрительнее. Продолжая смотреть на мир сквозь призму холодной войны, они наделяют Всемирную паутину почти магическими свойствами. Они видят в интернете абсолютное оружие, которое может помочь Западу одолеть, наконец, авторитарных противников. Учитывая, что интернет – единственный луч света в темном интеллектуальном тоннеле проекта распространения демократии, интернету гарантировано почетное место в будущем политическом планировании.

На первый взгляд прекрасная идея: очень похоже на “Радио Свобода” на стероидах. Кроме того, интернет – это дешево: нет нужды оплачивать программирование, трансляции и, если остальное ни к чему не привело, пропаганду. Ведь пользователи самостоятельно могут узнать страшную правду о государствах, в которых живут, о тайной прелести демократии и о неотразимой привлекательности, которой обладают права человека. Для этого следует просто прибегнуть к помощи поисковиков, например “Гугла”, и последовать за политически подкованными приятелями из социальных сетей вроде “Фейсбука”. Иными словами, пусть “чирикают” – и “дочирикаются” до свободы. Согласно этой логике, авторитарный режим зашатается тогда, когда будут устранены преграды на пути свободного распространения информации. Действительно: если Советы проиграли горстке памфлетистов, как сможет Китай выстоять против орды блогеров?

Едва ли удивительно, что единственное место, где страны Запада (в первую очередь США) упорно стремятся оказать содействие укреплению демократии – это киберпространство. Программа освобождения стала программой освобождения “Твиттера”. Глубоко символично, что единственной большой речью о свободе, произнесенной высокопоставленным чиновником из администрации Барака Обамы, стала речь госсекретаря Хиллари Клинтон о свободе интернета, произнесенная в январе 2010 года. На первый взгляд, это беспроигрышный вариант: даже если интернет не принесет народам Китая и Ирана демократию, администрация Обамы все равно окажется самой технически грамотной внешнеполитической командой в истории. Сегодня лучшие и талантливейшие – обязательно компьютерные гики. “Доктрина ‘Гугла’” (фанатическая вера в освобождающую силу технологий вкупе с призывами поставить под ружье стартапы из Кремниевой долины и отправить их на войну за свободу во всем мире) привлекает все больше политиков. На самом деле многие из них смотрят на революционный потенциал интернета с тем же оптимизмом, что и их коллеги в корпоративном секторе в конце 90-х годов. Что здесь может быть не так?

Оказывается – много что. Лопнувшие фондовые “пузыри” почти никого не убьют. А вот взрывы демократических “пузырей” могут легко привести к резне. Представление, согласно которому интернет благоволит угнетенным, а не угнетателям, отмечено тем, что я называю *киберутопизмом* – наивной верой в эмансипирующую природу онлайн-коммуникаций. Эта убежденность основана на упорном нежелании видеть обратную сторону вещей и проистекает из цифровой горячки 90-х годов. Бывшие хиппи, осевшие к тому времени в престижных университетах, начали шумно доказывать, что интернет сможет то, что им самим не удалось в 60-х годах: стимулировать участие людей в управлении делами общества и государства, возродить гибнущие общины, обогатить социальную жизнь, стать мостом от боулинга в одиночестве к совместному блогингу. Если это работает в Сиэтле, значит, работает и в Шанхае.

У киберутопистов, стремившихся усовершенствовать ООН, получился цифровой цирк “Дю солей”. Даже если теории и верны – а это большой вопрос, – то их трудно применить к обществам незападным и недемократическим. Демократически избранные правительства Северной Америки и Западной Европы и в самом деле могут относиться как к благу к оживлению публичной сферы, которое вызывает интернет. Вполне логично, что они предпочитают держаться подальше от цифровой песочницы (по крайней мере до тех пор, пока не случилось ничего противозаконного). Но авторитарные правительства, которые прилагают так много усилий для подавления свободы выражения и свободы собраний, не станут вести себя столь же цивилизованно. В первых теоретических построениях о влиянии интернета на политику не нашлось места для государства, не говоря уже о жестокой и авторитарной его разновидности, не признающей верховенства права и не терпящей инакомыслия. Какая бы книга ни была настольной у киберутопистов 90-х годов, это точно не был “Левиафан” Томаса Гоббса.

Киберутописты не смогли предугадать, как авторитарные правительства воспримут интернет. Они даже представить не могли, насколько он окажется удобным для пропаганды, как ловко диктаторы научатся пользоваться им для слежки и какой хитроумной может быть цензура. Большинство киберутопистов продолжает разглагольствовать о том, что технология вооружит угнетаемые народы и что они, будучи вооружены эс-эм-эс, “Фейсбуком”, “Твиттером” и другими новинками, неминуемо восстанут. Народам, следует заметить, эти рассуждения очень нравятся. Парадоксально, но в своем нежелании видеть недостатки цифровой среды обитания, киберутописты приходят к умалению роли интернета, отказываясь замечать, что он проникает во все сферы политической жизни и трансформирует их – причем не только те, которые способствуют демократизации.

Я и сам до недавнего времени был киберутопистом. Эта книга – попытка разобраться с идеологией киберутопизма, а также предупредить о губительном влиянии, которое он оказывал и, похоже, продолжает оказывать на демократию. Моя история довольно обычна для юного идеалиста, который полагает, будто занимается чем-то, что может изменить мир. Наблюдения за тем, как свертываются демократические свободы в моей родной Беларуси, привели меня в филиал западной неправительственной организации, которая стремилась помочь укреплению демократии и реформе СМИ в бывших странах Восточного блока с помощью интернета. Блоги, социальные сети, “вики”... – наш арсенал казался нам гораздо внушительнее милицейских дубинок, наручников и камер слежения.

И все же после нескольких бурных лет, проведенных в поездках по бывшей советской республике и встречах с социальными активистами и блогерами, мой первоначальный энтузиазм угас. Негодной оказалась не только наша стратегия. Мы столкнулись с серьезным сопротивлением правительств. Тогда они начинали экспериментировать с цензурой и некоторые зашли настолько далеко, что сами начали активно сотрудничать с новыми медиа, оплачивая услуги блогеров-пропагандистов, выискивающих в социальных сетях неблагонадежных граждан. Между тем западная одержимость интернетом и, как следствие, финансовая поддержка блогосферы породили ряд ловушек, типичных для столь амбициозных проектов. Достаточно предсказуемо многие талантливые блогеры и владельцы новых медиа предпочитали заниматься высокооплачиваемыми, но малоэффективными проектами на деньги Запада, вместо того чтобы пытаться создавать более гибкие, жизнеспособные и эффективные собственные проекты. Все, что мы делали, опираясь на щедрую спонсорскую помощь Вашингтона и Брюсселя, казалось, приводило к результату, прямо противоположному тому, которого желало мое киберутопическое “я”.

Был велик соблазн бросить все и оставить интернет на произвол судьбы. Но это было бы неверно. Если бы западные политики просто сочли интернет вещь бесперспективной и перешли к другим, более важным делам, они сделали бы ошибку. Пораженчество сыграло бы на руку авторитарным правителям, успешно продолжающим использовать интернет в качестве кнута (наказывая тех, кто осмеливается бросить вызов официальному курсу) и пряника (позволяя всем остальным развлекаться). Вывод скорее таков: интернет останется с нами, его значение будет увеличиваться, а тем, кто озабочен содействием распространению демократии, придется не только иметь с ним дело, но и выработать механизмы и процедуры, которые позволили бы избежать в киберпространстве трагической ошибки такого же масштаба, как скандал в Абу-Грейбе. Это не такой уж странный сценарий. Разве трудно представить, что сайт наподобие “Фейсбука” непреднамеренно раскрыл личные данные иранских или китайских оппозиционеров и сделал их тайные связи с западными спонсорами очевидными для властей?

Чтобы достичь подлинного успеха, Западу следует не только избавиться от киберутопизма и усвоить трезвый взгляд на вещи. Когда дело доходит до конкретных шагов по укреплению демократии, киберутопические убеждения уступают место столь же ошибоч-

ному подходу, который я называю *интернетцентризмом*. В отличие от киберутопизма, интернетцентризм – не система воззрений, а скорее философия действия, которая объясняет, как принимаются решения, в том числе относящиеся к укреплению демократии, и как вырабатывается долгосрочная стратегия. Киберутопизм говорит о том, *что* следует сделать, а интернетцентризм – *как* это сделать. Интернетоцентристам нравится отвечать на любой вопрос о демократических изменениях, формулируя ответ в терминах интернета и не принимая в расчет ситуацию, в которой эти изменения желательны. Они зачастую игнорируют в большой степени политическую природу техники и особенно интернета и любят предлагать тактику, которая подразумевает, что логика интернета (которую в большинстве случаев только они и способны постичь) сформирует среду, в которую он проникает, а не наоборот.

Большинство утопистов является интернетоцентристами. Однако это не значит, что все интернетоцентристы – утописты: многие из них считают себя прагматиками, которые отказались от возведения воздушных замков ради достижения реальных, осязаемых результатов. Иногда они даже готовы признать, что нужно нечто большее, чем информация, чтобы взрастить, установить и консолидировать здоровую демократию.

Но такой реалистический взгляд не предохраняет от ошибочных методов, которые отдают приоритет средству над средой и, соответственно, не учитывают социальные, культурные и политические тонкости и случайности. Интернетцентризм сродни галлюциногенному наркотику: он заставляет игнорировать местные условия и создает у политиков ложное впечатление, будто у них есть могущественный союзник. Крайний интернетцентризм ведет к гордыне и самонадеянности вкупе с опасной иллюзией обретения действенного контроля над Сетью. Нередко адепты интернетцентризма воображают, что полностью овладели своим любимым инструментом. Они считают его состоявшейся, законченной технологией и забывают о многочисленных силах, которые постоянно изменяют Сеть – и далеко не всегда к лучшему. Считая интернет чем-то неизменным, они не ощущают себя ответственными за то, чтобы он оставался свободным и независимым, за то, чтобы сдерживать могущественных медиаторов – компании вроде “Гугла” и “Фейсбука”.

По мере того как будет расти влияние интернета на политику (и в авторитарных, и в демократических государствах), будет возрастать и стремление забыть о контексте и исходить из того, что предлагает интернет. Сама по себе Сеть, однако, не предлагает ничего конкретного. Обширная практика показала, что она делает сильных сильнее, а слабых – слабее. Невозможно сделать интернет плацдармом укрепления демократии, не рискуя успехом всего предприятия.

Главная мысль этой книги проста: чтобы не упустить перспективы, предоставляемые интернетом для борьбы с авторитаризмом, тем из нас на Западе, кто все еще желает расширения демократии, придется отойти от доктрины “Гугла”, оставив в стороне и киберутопизм, и интернетцентризм. В настоящее время мы исходим из ложных предпосылок (киберутопизм) и используем непригодные методы (интернетцентризм), имея дело не с реальным интернетом, а с собственными иллюзиями. Эта логика может привести к серьезным последствиям для всего мира и поставить под угрозу демократический проект в целом. Подобную глупость Западу совершать не стоит.

Вместо этого нам необходимо избрать политику, основанную на реалистичной оценке рисков, которые несет интернет, и скрупулезном, непредвзятом анализе его перспектив. Наши действия должны учитывать местные условия и сложные связи интернета с остальной внешней политикой: мы должны исходить не из того, что позволяют сделать современные технологии, а из того, чего требует геополитическая обстановка.

В известном смысле уступки киберутопизму и интернетцентризму сродни боксу вслепую: время от времени мы сможем наносить сильные удары по авторитаризму, однако эта стратегия не годится, если мы хотим победить. Борьба с авторитаризмом слишком важна,

чтобы предоставлять противнику интеллектуальную фору – даже если это позволяет нам забавляться с новенькими блестящими гаджетами.

Глава 1

Доктрина “Гугла”

В июне 2009 года тысячи молодых иранцев со смартфонами в руках (а самые “продвинутые” – с беспроводными гарнитурами “блютуз”) вышли на улицы Тегерана, чтобы выразить свое возмущение фальсификацией результатов выборов. Напряжение росло. Некоторые протестующие – неслыханное дело! – даже призвали Хаменеи уйти в отставку. Однако многие граждане сочли выборы честными и приготовились защищать, если потребуется, президента Махмуда Ахмадинежада, сохранившего свой пост. Иранское общество, превратившееся в поле битвы популизма, консерватизма и модернизации, столкнулось с самым серьезным политическим кризисом с 1979 года, когда исламские революционеры свергли непопулярного, проамерикански настроенного шаха Мохаммеда Резу Пехлеви.

Но не это обстоятельство привлекло внимание западных массмедиа – они предпочли размышлять о том, как интернет несет Ирану демократию. “‘Твиттер’ несет весть о революции”, – гласила первая запись в блоге Эндрю Салливана из журнала “Атлантик”, сделанная несколько часов спустя после того, как стало известно об уличных протестах. Салливан сосредоточился на устойчивости “Твиттера”, популярного сервиса микроблогов: “‘Твиттер’ выстоял, когда режим перерезал остальные коммуникации. И это дало замечательные результаты”. Позднее Салливан, хотя “замечательных результатов” по-прежнему не наблюдалось, в блоге объявил “Твиттер” “критически важным средством организации сопротивления в Иране”, но не позаботился о том, чтобы привести доказательства своей мысли. Спустя несколько часов после начала протестов блог Салливана превратился в главный информационный узел, почти мгновенно распространяющий гиперссылки на новости об иранских событиях. Тысячи читателей, не обладающих выносливостью, необходимой для просмотра сотен новостных сайтов, увидели иранские события глазами Эндрю Салливана. Как выяснилось, ему был присущ весьма оптимистический взгляд на вещи.

Очень скоро версия событий, изложенная Салливаном, распространилась в блогосфере, а потом и в традиционных СМИ. Мишель Малкин, видный блогер с правыми взглядами, сочла, что “сеть микроблогов в руках свободолюбивых диссидентов – это революционный самиздат, твит за твитом прорывающий информационную блокаду, установленную муллакратией”. Марк Амбиндер, коллега Салливана из журнала “Атлантик”, согласился с этим. По мнению Амбиндера, “Твиттер” стал вещью не просто важной, а – “протагональной” (ему даже пришлось придумать слово). “Когда будет написана история иранских выборов, ‘Твиттер’, несомненно, предстанет протагональной технологией, которая позволит слабым пережить жестокие репрессии”, – написал Амбиндер в своем блоге. Йоси Дризен из газеты “Уолл-стрит джорнал” объявил, что “этого [революции] не произошло бы, если бы не ‘Твиттер’”. Дэниел Шорр с “Нэшнл паблик рэйдио” объявил, что “тирания в Иране столкнулась с технологией в виде интернета, который превратил протест в движение”. Когда Николас Кристоф из “Нью-Йорк таймс” заявил, что в “типичном конфликте XXI века... столкнулись правительственные головорезы, стреляющие пулями... [и] протестующая молодежь, которая сыплет твитами”, он просто уловил дух времени.

Скоро ученые мужи, обрадованные тем, что их любимая игрушка на слуху у всего мира, сами возвысили голос. “Это случилось – важнейшее событие. Первая революция, достигшая глобального масштаба и преображенная социальными медиа”, – провозгласил на форуме *TED.com* Клэй Шерки из Нью-Йоркского университета. Джонатан Зиттрейн, ученый из Гарварда, автор книги “Будущее интернета: как не допустить его наступления”, заявил, что “‘Твиттер’ особенно подходит для организации людей и информации”. По мнению обо-

зрвателя “Файнэншл таймс” Джона Гэппера, “Твиттер” стал “трутницей, в которой разгорелась искра восстания сторонников Мир-Хосейна Мусави”. Даже отличающаяся трезвым взглядом на вещи газета “Крисчен сайенс монитор” присоединилась к хвалебному хору: “Жесткий контроль правительства над интернетом породил поколение, умело обходящее сетевые блокпосты и подготовившее страну к появлению протестного движения, вдохновленного современными технологиями”¹.

Теперь “Твиттер” казался всемогущим: он был сильнее иранской полиции, ООН, правительства США, Европейского Союза. Он должен был не только помочь Ирану избавиться от отвратительного вождя, но и убедить простых иранцев (большинство которых страстно поддерживает ядерную программу) перестать бояться Израиля и снова стать миролюбивыми людьми. Колумнист правого журнала “Хьюман ивентс” объявил, что “Твиттер” сделал то, на что “ни ООН, ни ЕС не были способны”: поспособствовал возникновению “колоссальной угрозы иранскому режиму – движения за свободу, вспыхнувшего и организованного при помощи коротких фраз”. Автор передовицы в “Уолл-стрит джорнал” счел, что “движимая ‘Твиттером’ ‘Зеленая революция’ в Иране... прибегнув к технологии социальных сетей, сделала для смены режима в исламской республике больше, чем все многолетние санкции, угрозы и пререкания в Женеве”. (То есть “Твиттер” усовершенствовал не только демократию, но и дипломатию.)

Очень скоро обилие иранских твитов подвигло высококолых теоретиков на то, чтобы сделать далеко идущие выводы о судьбах мира. Многие восприняли вдохновенные “Твиттером” протесты в Иране как знак близкого конца авторитаризма. Тим Раттен в своей колонке в “Лос-Анджелес таймс”, скромно озаглавленной “‘Твиттер’: новый кошмар тирании”, объявил, что “новые медиа раскидывают свою сеть по миру, и для авторитарных правительств вроде иранского, стремящихся установить абсолютный контроль в условиях беспорядочной технодемократии, наступают трудные времена”. То, что “Зеленое движение” быстро распалось и оказалось неспособным всерьез бросить вызов Ахмадинежаду, не удержало автора передовицы в “Балтимор сан” от заявления, будто интернет делает мир свободнее и безопаснее: “Мнение, что активисты тратят жизнь, строча в блогах, в то время как правительства и корпорации прибирают к рукам мир, опровергается каждым твитом, комментарием в блоге, акцией протеста, спланированной в ‘Фейсбуке’”.

Следуя той же логике, Марк Пфайфл, бывший заместитель советника Джорджа У. Буша по вопросам национальной безопасности, инициировал кампанию по выдвижению “Твиттера” на соискание Нобелевской премии мира. Он заявил, что “без ‘Твиттера’ иранский народ не чувствовал в себе силы и уверенности для защиты свободы и демократии”. Оргкомитет премии “Вебби” (*Webby Awards*, сетевой эквивалент “Оскара”) признал акции протеста в Иране “одним из десяти главных событий десятилетия для интернета”. (Иранская молодежь с ее смартфонами оказалась в хорошей компании: лауреатами премии стали также выход доски объявлений “Крейгслист” за пределы Сан-Франциско и запуск “Гуглом” сервиса *AdWords* в 2000 году.)

Но самый неожиданный вывод сделал премьер-министр Великобритании Гордон Браун: “Такого, как в Руанде, больше не случится, потому что информация о том, что происходит на самом деле, выйдет наружу гораздо быстрее и общественная реакция вынудит людей действовать. Иранские события этой недели напоминают нам о том, как новые технологии помогают по-новому объединяться и заявлять о своих взглядах”. По логике Брауна,

¹ Должен признаться, что я одним из первых угодил в “твиттер-революционную” ловушку, назвав молодежные манифестации в Молдове (за несколько месяцев до иранских) этим, как оказалось, неопределенным и вводящим в заблуждение термином. Несмотря на то, что я подробно объяснил, что именно имею в виду, это была не лучшая идея, особенно с учетом того, что в большинство СМИ попали далеко не все подробности. – *Здесь и далее, если не указано иное – примечания автора.*

миллионы людей, вышедших 15 февраля 2003 года на улицы Лондона, Нью-Йорка, Рима и других городов в знак протеста против начала войны в Ираке, совершили одну досадную ошибку: недостаточно написали об этом в блогах. Уж это точно предотвратило бы бойню.